

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
XVIII

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2009

Редакционная коллегия:

*А. А. Гиппиус, П.-У. Дини, М. В. Завьялова,
Вяч. Вс. Иванов (отв. редактор серии), С. Каралюнас, Б. Лаумане,
В. Мажюлис, Н. А. Михайлов, Е. Л. Назарова, С. И. Рыжакова, А. Сабалаяускас,
Б. Стундзя, Т. М. Судник, У. Шмальшитис*

Б 20 Балто-славянские исследования. XVIII: Сб. науч. трудов. —
М.: Языки славянских культур, 2009. — 648 с., ил.
ISBN 978-9551-0299-3

Настоящий том «Балто-славянских исследований» посвящен памяти одного из создателей серии, на протяжении долгих лет являвшегося душой издания — Владимира Николаевича Топорова. В томе помещены статьи, по тематике близкие сфере интересов Владимира Николаевича в области баллистики и балто-славянских отношений: исследования по этимологии, гидронимии, истории балтийских и славянских языков, наследию пруссов, балтийской мифологии и фольклору. В сборник также включены воспоминания коллег Владимира Николаевича, фотографии. Среди авторов статей — известные балтисты и слависты из России, Белоруссии, Литвы, Латвии, Польши, Чехии, Америки, Италии, Германии.

ББК 81

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0299-3

© Авторы, 2009
© В. Н. Топоров. Наследники, 2009
© Языки славянских культур, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Докладная записка, написанная В. Н. Топоровым: к предыстории серии «Балто-славянские исследования»	7
Беседа В. Н. Топорова с Н. Н. Казанским 26 сентября 2005 г.	10
<i>А. Сабалаяускас.</i> Несколько деталей к портрету Владимира Николаевича Топорова	28
<i>Вяч. Вс. Иванов.</i> Ранняя праиндоевропейская перспектива развития балто-славянской глагольной системы в свете идей В. Н. Топорова	40
<i>W. R. Schmalstieg.</i> The *-o stem dative and accusative in Baltic and Slavic	66
<i>П. М. Аркадьев.</i> Теория акциональности и литовский глагол	72
<i>W. Smoczyński.</i> Grupy spółgłoskowe języka staropruskiego	95
<i>В. А. Дыбо.</i> О системе акцентных парадигм в прусском языке	131
<i>Б. Стундзя.</i> Составные существительные в Эльбингском словаре ..	183
<i>А. В. Андронов.</i> О петербургском экземпляре II прусского катехизиса ...	205
<i>P. U. Dini.</i> Zur vergleichend-kontrastiven Analyse der baltischen Fassungen von Luthers «Kleinem Katechismus»: Dt. « <i>leyder</i> » und seine Entsprechungen	210
<i>P. Эккерт.</i> Что нам говорят имена собственные о жизни древних пруссов?	222
<i>P. А. Агеева.</i> Топонимические работы В. Н. Топорова. I.	235
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> О возможности альтернативного истолкования одного гидронимического гнезда	250
<i>G. Blažienė.</i> Zu den altpreussischen dehydronymischen Oikonymen (2)	254
<i>В. Л. Васильев.</i> Древнеевропейская гидронимия на Русском Северо-Западе	262
<i>L. Balode, Dz. Hirša.</i> On several names of Latvian inhabited places	279
<i>Ю. С. Лаучоте.</i> Этноязыковые контакты во времени и в пространстве (на материале балтийских и славянских языков)	300

Е. А. Хелимский. <i>Aist</i> и его возможные этимологические свойства ники (клѣст, глѣст)	313
<i>Н. П. Антропов.</i> По следам одной «птичьей» этимологии	319
<i>С. Ю. Темчин.</i> О семантической эволюции лит. <i>laikas</i> , лтш. <i>laiks</i> 'время'	326
<i>Д. Киселюнайте.</i> Исследование языка курсениеков Куршской косы: язык информантки Эрики Кальвис	342
<i>Ю. И. Смирнов.</i> Перебрасывание единственного топора	354
<i>V. Blažek.</i> All Indo-european «smith»	369
<i>С. Каралюнас.</i> Древний литовский пантеон и его сравнительно-истори- ческий контекст	448
<i>Н. Лауринкене.</i> Земля-мать в литовской народной традиции	486
<i>Б. Ясюнайте, Е. Коницкая.</i> Колесница Пяркунаса (атмосферные явле- ния в выражениях с переносным значением: облака)	504
<i>Д. Разаускас.</i> Рыба как символ (воз)рождения и жизни	528
<i>Н. А. Михайлов, Т. В. Цивьян.</i> <i>Rauda boružei</i> — Плач по божьей коровке (статья В. Н. Топорова и стихотворение М. Маргинайтиса)	568
<i>С. Валянтас.</i> В поисках потерянной традиции: поэтическая балти- стика	578
<i>В. И. Матузова.</i> Прусы глазами Петра из Дусбурга	606
<i>Е. Л. Назарова.</i> Кришьянис Валдемарс и Федор Чижов	614

In memoria

<i>С. Т. Лидия Георгиевна Невская</i>	633
<i>А. Е. Аникин.</i> Памяти А. П. Непокупного	636
<i>Й. Вайшкунас.</i> Гинтарас Береснявичюс	640

Докладная записка, написанная В. Н. Топоровым: к предыстории серии «Балто-славянские исследования»

В архиве «Балто-славянских исследований» сохранилась написанная В. Н. Топоровым докладная записка в дирекцию Института славяноведения и балканистики АН с предложением от Сектора структурной типологии об учреждении ежегодника «Balto-balkanica». Дата в ней не указана, но год написания — 1979-й — достоверно определяется по содержанию, в частности по упоминанию балто-славянской конференции.

В декабре 1978 года в Секторе структурной типологии Института славяноведения, руководимом Вяч. Вс. Ивановым, состоялась Первая Международная балто-славянская конференция «Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом», в которой принимали участие ученые России, Литвы, Латвии, Белоруссии, Украины, Польши, Германии. Участники конференции поддержали предложение об учреждении в Секторе регулярного научного издания по балто-славистике. Тогда же на рассмотрение дирекции и была представлена публикуемая ниже докладная записка, где вопросы балто-славистики предлагалось исследовать в связи с более широким ареалом.

О целесообразности и перспективности такого подхода Владимир Николаевич писал еще в начале 60-х годов прошлого века (см.: К проблеме балто-славянских языковых отношений: положение дел, задачи // Актуальные проблемы славяноведения: Материалы Первого координационного совещ. по актуальным проблемам славяноведения (24–27 января 1961 г.). М., 1961; К проблеме балто-славянских языковых отношений // Краткие сообщения Ин-та славяноведения. Вып. 33/34. 1961 и др.). В этих и позднейших работах ученого обращалось внимание не только на гидронимический континуум, связывающий балтийские территории Прибалтики с Паннонией, Балканами и Адриатикой, но и на уникальные лексические и семантические изоглоссы, совпадения в словообразовании, фонетике и морфологии в языках и диалектах этого ареала, на следы общих представлений из области мифологии. Сообразно с этим в Секторе структурной типологии начиная с 60-х годов велись ареальные и структурно-типологические исследования балканского языкового союза и южной части балтийско-славянского языкового союза; в 1979 г. был проведен симпозиум по структуре текста «Balcano-Balto-Slavica»; целый ряд выполненных в те годы работ был посвящен как раз балто-славяно-балканским фольклорным и мифопоэтическим параллелям.

Тем не менее, предпочтение было отдано другому варианту, и 14 февраля 1980 г. РИСО (редакционно-издательский совет) АН постановил: «Принять предложение Института славяноведения и балканистики АН СССР, поддержанное Отделением истории АН СССР и Отделением литературы и языка АН СССР, об издании ежегодника по проблемам балто-славянского языкознания «Балто-славянские исследования»».

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Сектор структурной типологии Института славяноведения и балканистики выдвигает предложение об учреждении научного ежегодника под названием «Balto-balkanica» (25–30 печ. л. в томе).

Предполагается, что это издание будет курироваться Отделением языка и литературы и Отделением истории АН и возглавляться редакционной коллегией из специалистов соответствующего профиля. Ежегодник «Balto-balkanica» планируется как издание, посвященное сравнительно-историческому, ареальному (в плане теории языковых контактов), типологическому и этнокультурному исследованию балканского и балтийского регионов на языковом материале. Выбор и взаимное рассмотрение этих двух ареалов обусловлены целым рядом причин (некоторые из них стали очевидными в результате исследований последнего времени): 1) обнаружение ряда существенных языковых и этнокультурных сходств между балтийским и балканским ареалом в древности, что заставляет предполагать особую интенсивность этнолингвистических связей в эпоху, не засвидетельствованную письменными памятниками; 2) выявление особой роли Балкан как связующего звена в восточной части Средиземноморья (проблема языковых, культурных и этнических связей с Малой Азией и отчасти с Апеннинским и Пиренейским п-овом); 3) признание важного значения пространства от восточной Балтики до Средиземноморья для изучения ранних этапов развития континуума индоевропейских диалектов и соответствующей древней цивилизации (ср. особое внимание, уделяемое этой территории в исследованиях археологов последних 10–15 лет); 4) установление факта теснейших связей славянского этнолингвистического комплекса с языками и культурами южно-балтийского и балканского ареалов, без изучения которых невозможно решение проблемы выделения славянских языков из индоевропейской общности и проблемы славянского этногенеза в целом; 5) признание балтийского и балканского ареалов исключительно интересными и перспективными районами для постановки, проверки и решения важнейших задач ареальной лингвистики (ср. наличие двух разнотипных языковых союзов, балтийско-славянского — Литва, Латвия, Белоруссия, сев.-вост. Польша — и балканского) и общего языкознания (языковое контактирование, передача языковых моделей в пространстве и времени, проблема билингвизма и полилингвизма, лингвистическая география и т. п.).

Выпуск ежегодника такого профиля позволит консолидировать научные усилия многочисленных специалистов в области балтийского, славянского, романского, албанского, греческого, тюркского, палеобал-

канского (фракийского, иллирийского и т. п.), анатолийского языкознания, сконцентрировать внимание на изучении наиболее существенных проблем, организовать в дальнейшем ряд больших коллективных исследований (в частности полевых; следует заметить, что в настоящее время планируется создание Балканского лингвистического атласа усилиями ученых многих стран Юго-Восточной Европы). Несомненно, что, помимо лингвистов, «Balto-balkanica» привлекла бы к себе внимание — и как возможных авторов и как читателей — историков, археологов, фольклористов, специалистов в области изучения культуры. Выпускаемые в последние годы Сектором структурной типологии Института славяноведения и балканистики сборники по балтийской и балканской тематике позволили сплотить круг специалистов по данным специальностям (чему способствуют регулярно проводимые институтом занятия балканистического семинара и конференции по балтистике); сборники пользуются большим интересом и спросом читателей и вызвали весьма положительные отзывы у нас и за рубежом. Этот факт позволяет надеяться, что учреждение ежегодника «Balto-balkanica» сейчас вполне своевременно: оно отвечает глубоким внутренним запросам нашей науки и поможет дальнейшему ее развитию в новом перспективном направлении.

Предлагаемый состав редколлегии: А. В. Десницкая, Вяч. Вс. Иванов (председатель), В. П. Нерознак, Т. М. Судник, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян.

Публикация Т. М. Судник

Беседа В. Н. Топорова с Н. Н. Казанским 26 сентября 2005 г. Петербург*

Ниже приводится текст из видеointервью Владимира Николаевича Топорова, данного им 26–27 сентября 2005 г. Николаю Николаевичу Казанскому в Санкт-Петербурге у него дома. Это была последняя поездка В. Н. в Петербург, город, к которому он был особенно привязан, последнее его интервью (за 2 месяца до смерти). Н. Н. Казанский предоставил видеозапись редакции, и редакция глубоко признательна ему за это.

Н. Н. — Если можно, спрошу про пятьдесят восьмой год, про конгресс славистов в Москве, приезд Якобсона и про то, что последовало за этим.

В. Н. — Да. Вы знаете, я заранее извинюсь, потому что не чувствую себя человеком устного слова, я, скорее, человек пера. Последнее мне проще дается.

Должен начать с того, что я не ходил на подавляющее большинство лекций, я работал в библиотеке... Я помню, что в университете обычно кончался рабочий день что-нибудь в полтретьего — в три, я брал домой в библиотеке, в подсобной, какие-то книги и к десяти часам вечера их привозил, благо, что на одной линии метро, через три станции...

Пожалуй, больше всего я, и не только я, обязан Петру Саввичу Кузнецову, Михаилу Николаевичу Петерсону... Надо сказать, что они были очень откровенны, притом что в этом не было никакой нарочитости, ни такого вещания человека, который знает все. Так что в этом отношении довольно много впитывалось само по себе, не как что-то обязательное, что надо знать, а на уровне душевном. Те же люди сразу давали понять, что марризм — это просто что-то дикое.

Съезд был в пятьдесят восьмом году. Насколько я помню, последнее заседание в Москве этого «совета избранных» было в предыдущем году, в мае. О Якобсоне мы знали многое, при том что о Якобсоне рассказывал и Петерсон, рассказывал и, видимо уже в устной передаче, Петр Саввич Кузнецов, и — Якобсон был приглашен. Притом что [официально] все делалось, чтобы Якобсона вообще не было.

Надо сказать, что меня поразил цинизм Виктора Владимировича Виноградова. Я представлял самый низкий ранг, а руководил, в частности, Аванесов. Было закрытое заседание, где было очень много незнакомых лиц. Совершенно ясно, что там треть не имела отношения к линг-

вистике. И Виноградов, сам многое переживший и сам много натерпевшийся, вдруг стал говорить совершенно неприлично: говорил, что вообще неизвестно, чем Якобсон занимается — наукой или не наукой, намекал, что он был награжден орденом Почетного легиона, сами, мол, подумайте, — и все это в таком шипящем плане. Притом что о нем нельзя сказать, что он был человеком, лишенным совести. Переживания прошлых лет, когда он и сидел, и все прочее... Он ведь по первому делу славистов, я не знаю, знаете вы или нет, он ведь должен был оклеветать Владимира Николаевича Сидорова. Это была такая группа друзей — Аванесов, Сидоров и Кузнецов. И Виктор Владимирович должен был оклеветать по делу славистов Сидорова. И когда возникла идея Ушаковского словаря русского языка и понадобился Виноградов, то его выпустили раньше срока, и первым делом он пришел к матери Сидорова, упал на колени и сказал: «Простите, я оклеветал Володю», — Владимира Николаевича Сидорова. Так что у него много разного было, и поэтому я не склонен ставить это ему в вину, просто уж такая была ситуация и такое время.

Выступление Якобсона произвело впечатление сразу же. Во-первых, это такая художественная манера, его жестикуляция. При том, что у него глаз «один на вас, другой в Арзамас», и это тоже играло все время. И он очень быстро менял позы. Я не знаю, запечатлено ли это на пленку...

Н. Н. — Запечатлено.

В. Н. — Запечатлено. Да-да-да. А потом в «Известиях», не в «Известиях», тогда в «Правде», появилась статья анти-якобсоновская, совершенно ложная в своих послылках. И я не выдержал и написал письмо Якобсону, и с тех пор до самой смерти мы переписывались с ним. У меня много писем Якобсона. Потом он водил меня, потом это делала уже его жена Кристина Поморская, водили меня по району, в котором был дом, в котором я родился и жил до войны и после войны до женитьбы. Имя Якобсона было очень хорошо известно. Я не знаю, вы представляете себе Тургеневскую площадь?

Н. Н. — Представляю.

В. Н. — Сейчас, года два назад снесли [этот] дом, который был записан в памятники искусства, [его построил] архитектор Кондратьев в 1902 году, напротив Тургеневской читальни, в которую меня, снисходя к просьбе моего отца, записали еще перед войной, и я туда ходил, хотя это нарушало статус библиотеки, так не полагалось делать. И я с детства слышал имя Якобсона в связи с Лилей Брик. Наш дом стоял прямо против Тургеневской читальни, а за нею проходил трамвай по узкому Водопьяному переулку. И я слышал, это говорили и в квартире, и в доме,

* Публикуется с разрешения Т. В. и А. В. Топоровых.

Мясницкая улица. Справа церковь Флора и Лавра, в которой крестили В. Н. Топорова (литография Ж. Лемерсье по рисунку С. Дитца «Москва. Императорский почтамт». Вторая треть XIX в.). Репродукция из архива В. Н. Топорова

что это, как будто, такой разврат, и, кроме того, связи с Лубянкой (они были, действительно, очень тесные).

В тридцать третьем году моя тетка вышла замуж за молодого человека, отец которого был сапожник, из Шклова, — после революции он жил в подвальном этаже [нашего дома]. К нему приходил сначала сам Дзержинский, чтобы ему сапоги подбили, а потом уже стали от Дзержинского заходить, такая уже связь была и по этой линии. В доме было довольно много людей, которые были связаны с Коминтерном. Особенно много было латышей, но были и немцы, эстонцы, еще кто-то. И уже с тридцать шестого года они стали постепенно исчезать, так что имен их я уже больше никогда не слышал. Так вот, о Якобсоне и об этом круге было определенное мнение, притом что даже больше, чем о Якобсоне, говорили о самом Брике. Его я еще увидел последний раз в сорок пятом году, а после этого, вероятно, через неделю или две прочитал о его смерти. Якобсон был очень тесно связан с Тургеневской читальней.

Во время Первой мировой войны очень много поляков бежало от немцев в Москву, вот в этот район между Мясницкой и Лубянкой. Почему туда? Там был храм католический, он, собственно, и сейчас есть... Можно узнать, там сейчас какой-то институт. Я помню, в тридцать восьмом году было объявлено, что ни в каких церквях не должна отмечаться Пасха. И ксендз польский пригласил [православных] в католическую церковь. И вот русский люд пер прямо сплошной толпой, притом что, знаете, чужой храм, все непохоже. Польки все в черных одеяниях, и, конечно, такое сочетание было не очень удачное. И после этого закрыли и эту церковь. Это в Милютинском переулке, он и сейчас называется Милютинским. Это между Мясницкой и Лубянкой, посредине. И там же стоит на расстоянии полутора метров собор святого Людовика. Потом уже я читал в каких-то воспоминаниях, мемуарах, как это все было.

Якобсон жил в доме, который до сих пор существует и находится чуть-чуть наискосок от этого бывшего собора, в начале Мясницкой, это угловой дом, где сейчас музей Маяковского, он выходит на Лубянскую площадь. Это, если вы идете к центру, слева, там жил Якобсон. И вот он рассказывал, как они с Трубецким ходили из университета домой, от дома одного до дома другого.

Кроме того, была знаменитая гимназия номер пять, сейчас уже ее место трудно установить, на ее месте Новоарбатский проспект сделали, все разрушили, но церквушку, которая стояла перед этой гимназией, все-таки удалось сохранить.

Якобсону так все здесь нравилось, что он уже преувеличивал, как здесь хорошо и как замечательно было раньше. Рассказывал всякие вещи, например, как он видел Льва Толстого. Он, Якобсон, мальчиком с отцом пошли на угол Рождественки и Кузнецкого моста, там и сейчас банк, это была Московская контора Государственного банка. Ну, и с отцом, значит, он пришел туда, и отец его толкает: «Лев Николаевич Толстой». Так что, видите, повезло ему и Толстого увидеть воочию.

Якобсон использовал каждый случай приехать в Москву, так что это стало уже неотъемлемой составной частью его жизни. Несколько раз были какие-то провокации против него. Один раз мы шли из Президиума Академии наук в сторону Октябрьской площади. И вдруг какой-то мужик пьяный остановил Якобсона и стал материться. Я должен сказать, что просто решительно его оттолкнул... А Якобсон боялся таких вещей. Такие выпады, явные и неявные, были очевидны.

Я не знаю, что еще можно сказать. Якобсон поразил аудиторию... [Его лекцию] устроили незаконным образом, как встречу с ним на кафедре русского языка. И вот он рассказывал. Он, конечно, был такой,

знаете, мастер. Он упоминал то, о чем мы не слышали. Например, говорил о таком математике — по-моему, это Александр Яковлевич Хинчин. (Мой отец учился в Иваново-Вознесенске у него семестр, это был рижский университет, который был эвакуирован в Иваново-Вознесенск.) И [Якобсон] поразил и воспламенил сразу же всех. После этого сразу же — это был конец мая — все с нетерпением стали ждать начала учебного года, и начал работать семинар по структурной лингвистике, который возглавляли Вячеслав Всеволодович [Иванов], математик Добрушин и Петр Саввич Кузнецов. И действительно, все впитывалось моментально, и, может быть, даже слишком бурно все развивалось, так что в этом было и что-то неорганическое. И сейчас, вспоминая это время, понимаешь, что иногда наш энтузиазм играл не лучшую роль. Конечно, ведь так все быстро менялось. Так что, действительно, был такой период «штурм унд дранг».

Н. Н. — Владимир Николаевич, с этим мы пришли к началу шестидесятых годов, да? А шестидесятые годы — это то, уже то, что теперь называют московско-тартуский семиотический круг. Или это отчасти искусственное название?

В. Н. — Вы знаете, это совершенно искусственное название, вы понимаете, москвичи были в гораздо более выгодной ситуации. Во-первых, был машинный перевод, из которого, строго говоря, ничего не получилось, но были уяснены некоторые важные вещи. Читали все, что попало, книги по математике, в которых в лучшем случае могли понять то, что к самой математике даже не относится, вышелушивалась некая идея. Точно так же интерес был такой же к физике. Книги покупались...

Н. Н. — Ну, последнее было обычно в то время. Шестидесятые годы я уже хорошо помню, и книжка Шкловского о вселенной была в каждом доме, без преувеличения... какие-то книги по математике, книги по логике...

В. Н. — У Шкловского хоть понятно было все...

Н. Н. — Он специально писал...

В. Н. — Да-да-да.

Н. Н. — Тем не менее, это было как раз обычно, а вот в шестидесятые годы было ли какое-то общение, которое было важным в становлении и уяснении... или какое-то событие, дата, то, что по-настоящему сопоставимо со Съездом славистов?

В. Н. — Вы знаете, Съезд славистов, с какой-то стороны, был более узким. Были только слависты, правда, вдруг предстали все, кто только возможно. Я вот, например, очень хорошо помню Унбегауна. Я, может быть, говорил уже... Я тогда ошибся этажом во время Съезда. Мне, положим, надо было на девятый, а я приехал на четырнадцатый. И вот

у окна увидел почтенной внешности Унбегауна, который стоял и созерцал всю Москву с высоты четырнадцатого этажа, и вынимал платок, вытирал слезы...

Очень быстро все стало разветвляться. Потому что нам был уже неинтересен машинный перевод, зато были интересны понятия, то, что называют идеями структурализма, потом понятие текста как такового, как особой единицы. Вместе с тем, Вячеслав Всеволодович и я, мы оставались верны сравнительно-историческому языкознанию, индоевропейстике и т. д.

Во время нашего пребывания в университете... это был первый год, когда пришли люди, которые провели все годы войны в армии, на фронте. Уровень был очень низкий, и всех объединяло только одно — что они в какую-нибудь газету своей фронтовой части писали стихи. Стихи, так сказать, искренние, но стихами их можно было назвать условно. Поэтому преподаватели примеривались к ним. Надо сказать, что вели себя очень хорошо. Вот экзамен сдает человек, ну ничего не знает — ставят зачет.

И кроме того, что нас с Вячеславом Всеволодовичем тоже объединяло — это любовь к литературе, знание, большее, чем требовалось на экзаменах. А потом вдруг очень важное событие произошло. Это было в декабре, конец пятидесятых годов: была первая структуралистская конференция, в которой участвовало очень много людей, при том что говорили каждый что хотел, что думал, очень много оригинального, интересного, это все тоже впитывалось.

Это было в декабре¹. А, по-моему, в апреле следующего года приехал такой ученик, студент Юрия Михайловича Лотмана, Игорь Аполлоньевич Чернов. И он рассказал, что Юрий Михайлович Лотман очень интересуется этим, следит за всем, но еще больше следит за всем, что делается в Москве, его жена Зара Григорьевна Минц. И вот Игорь Аполлоньевич сказал, что летом будет километрах в сорока пяти от Тарту, в Кяэрику, первая семиотическая конференция. И она, действительно, была очень удачная, и время, проведенное нами там, незабываемое было. Через две конференции на третью удалось привезти Якобсона. Представляете, в Эстонию и вообще в какое-то такое масонское общество. И Юрий Михайлович отзывался на все, не боялся выстраивать какие-то построения, которые могли быть совершенно неверными, но всегда в них было что-то важное, интригующее и направляющее. Вы знаете, вот так всегда бывает.

¹ Вероятно, речь идет о Симпозиуме по структурному изучению знаковых систем, состоявшемся в декабре 1962 г.

В. Н. Топоров и Вяч. Вс. Иванов в Секторе структурной типологии Института славяноведения и балканистики. Конец 70-х гг.

Я был на первых четырех летних школах. Мы общались каждый раз, когда Юрий Михайлович приезжал в Москву, мы всегда встречались или у нас, или у Бориса Андреевича Успенского, благо, что мы жили в одном квартале. У меня много писем от него. Кстати, что-то и опубликовано было, издано уже довольно давно. Письма Лотмана и письма ему. Конечно, после Юрия Михайловича уже ни о каком продолжении по существу не могло быть речи. То есть какие-то идеи использовали литературоведы, но никак не лингвисты тартуские. И последнее — это похороны [Юрия Михайловича]. От Москвы была довольно большая делегация. Было понятно, что перевернута какая-то очень важная страница. Так что, вот видите, могу себя считать счастливым человеком, что столько всего видел.

Н. Н. — Владимир Николаевич, кроме совместной работы с Вячеславом Всеволодовичем и серии книг, были ли в шестидесятые годы еще какие-то встречи с людьми, которые заставили как-то по-новому взглянуть на все, системно по-новому?

В. Н. — Шестидесятые годы — это, собственно говоря, тартуские школы, и последний раз, если я не ошибаюсь, я был там в семьдесят четвертом году. После этого я только уже на похороны [Юрия Михайловича] приехал.

Вы знаете, я бы так сказал, что дальше было два пути. Один путь — некоторое расширение круга интересов, хотя и раньше мы с Вячеславом Всеволодовичем интересовались этим — мифология, религия, другие традиции. Это с одной стороны. С другой стороны, переход на несколько более серьезный, как я полагаю, уровень. Уже появлялась и некоторая неловкость от того, что и слишком многое пытаемся охватить, и, так сказать, требование большей что ли строгости.

Н. Н. — Владимир Николаевич, может быть, вы начнете с того, как [он] начался, почему возник — Прусский словарь.

В. Н. — На втором курсе мы с Татьяной Яковлевной² и лингвисткой Татьяной Вячеславовной Булыгиной начали заниматься литовским у Петерсона. После этого (а мы были еще свободные люди, не женаты) поехали летом сорок девятого года в Латвию, на Юрмалу. Там ситуация была такая: у Татьяны Яковлевны была путевка в дом отдыха, а я смело решил, что где-нибудь найду [жилье]. Ну, действительно, пришел в один домик такой бедноватый и думаю, тут, наверное, возьмут меня. Женщина с маленьким совсем ребенком сказала, приходите уже прямо, когда надо спать. Я пришел в одиннадцать часов, было совершенно светло, и выходит военный, в форме, и говорит: «Ты куда пришел, такой-сякой...» — и так далее и так далее. Я вынужден был уйти и... ночь или на улице проводить, или еще где-то. У кого-то я спросил, и мне сказали, вы пойдите в Майори... Православный храм там был разрушен, и мне показали [дом священника]. И что же — я пришел, меня приняли, но условие поставили такое: приходите после одиннадцати, а уходить не позже восьми часов. По молодости все это легко переносилось.

И вот, когда в доме отдыха, где была Татьяна Яковлевна, был обед, завтрак, ужин и другие мероприятия, то я где-нибудь на скамеечке сидел и занимался латышским. Как раз тогда вышел самоучитель латышского языка Паэгле. И как-то это все так быстро укладывалось — и уложилось... И был еще дополнительный интерес от того, что сразу появлялись литовские параллели. И когда на каком-то этапе возникла проблема выбора какой-то темы, и я решил — прусский. А если говорить о самом начале, то оно состояло в том, что когда Мажюлис кончил Вильнюсский университет, он попал в аспирантуру в Московский университет, на филологический факультет.

Н. Н. — Он был примерно в одно время с вами?

В. Н. — В одно время. Мы были одного года. Три года мы провели вместе. Познакомились, поговорили, я ему рассказал, каковы мои по-

² Жена Владимира Николаевича Татьяна Яковлевна Елизаренкова (17/IX 1929–5/IX 2007), индолог, переводчик Ригведы и Атхарведы.

знания в области баллистики. И сказал, что очень жалко, что даже в Ленинской библиотеке не было Траутмана³. И дал мне книжку, она была тоже не его, а взята из библиотеки Вильнюсского университета, вернее, на кафедре, и мне просто перепечатали все — работа очень трудная, человеку нынешнего времени, действительно, сложно это представить. И это у меня какое-то время лежало, я просто посматривал, притом что предметом интереса были факты даже не самого прусского языка, а просто — есть ли что-то, что соотносится с известными мне параллелями в других индоевропейских языках. Вы знаете, все время были какие-то мелкие конференции, избыточные, это уже становилось ритуалом. Так как я не выступаю с докладами, то чувствовал даже некоторое неудобство в связи с этим. И так я решил заниматься прусским языком.

Н. Н. — Владимир Николаевич, но ведь это было уже после занятой балтийской топонимикой Москвы... или это параллельно шло?

В. Н. — Это или параллельно, или чуть позже. Но через некоторое время начались неприятности. Во-первых, я числился среди небогата-надежных. Меня несколько раз вызывали на дирекцию. Я говорил то, что думал, и, как ни странно, именно это производило наибольшее впечатление. Я видел, что все присутствовавшие, кроме одного человека, моего сокурсника еще по университету, сильно боялись, что я говорю такие вещи. Такой триумвират был, знаете, как из «Недоросля» Фонвизина: значит, директор был Хренов, заместитель директора Резонов, а ученый секретарь — Шептунов. Вот так скажешь — не поверят. И мой сокурсник, с которым во время университетских занятий даже никакого общения не было, — он был единственный, кто что-то относительно примиряющее говорил... А потом пошли следующие неприятности. Предполагалось, что каждый год я выпускаю по тому. Мне, действительно, хватало пяти-шести месяцев на том, поскольку все материалы к этому времени были в моем распоряжении, и тут особой сложности не было. А когда вышел второй том и встал вопрос о третьем томе, то появился новый директор, даже не помню его фамилию⁴, болгарин из русских болгарских поселений, который меня очень не любил. И поэтому том откладывали неоднократно, потом сказали, что у института есть лимит на печатные листы... в общем, так получилось [что издание прервалось]. Но я не прекращал работы по более мелким темам, жалко было только отойти от прусского совсем.

Н. Н. — И параллельно с этим шли статьи по «Мифам народов мира»?

³ R. Trautmann. Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910.

⁴ Д. Ф. Марков.

В. Н. — Это, вы знаете, как раз вещь была несложная, поскольку у меня было достаточно материалов, и это писалось быстро. Возглавлял [издание] Токарев. Он был прагматик, ему тоже казалось все это очень диким. Он считал, что мифология — это просто какие-то сказки, и достаточно просто рассказать содержание, кто с кем сражался, кто чья жена была и так далее. Тут мне повезло, потому что в эту редколлегия входил Елеазар Моисеевич Мелетинский и еще несколько человек, которые, во всяком случае, понимали, для чего это нужно. При том что неловко получилось, когда не пошел подготовленный одним автором большой материал из древнеиндийской и ведийской мифологии, поскольку он оказался недостоверным, со ссылками на источники в лучшем случае XIX века, а с тех пор много сделано было. Так что мне писать было нетрудно, и, кроме всего прочего, это был такой период, когда не хватало денег, а я не отказывал себе в покупке книг, притом что иногда и очень дорогих. Вот так я оказался в числе много написавших в это издание.

Н. Н. — Да, но написавших, пожалуй, самое основное, например о числе, насколько я понимаю.

В. Н. — Да-да, там были и отнюдь не только индологические, были и общие понятия, относящиеся к любой мифологии. Так что, пожалуй, мне больше на эту тему трудно что-либо сказать.

Н. Н. — Но в результате получилось совершенно замечательное издание, и трудно себе представить, что бы мы без него теперь делали. Оно остается замечательным источником, содержащим собственное осмысление очень больших пластов материала.

В. Н. — Я знал, что Токареву это очень не нравилось, но рядом с ним были люди, которые уговаривали его смириться.

Н. Н. — Я отвлек вас вопросом от «Прусского словаря».

В. Н. — Да, да.

Н. Н. — Эти трудности не только задерживали, но и потом, собственно, привели к тому, что словарь остался незавершенным?

В. Н. — Да, уже было общественное мнение в институте, мне неудобно было: такое, знаете ли, мое себялюбие, мне казалось, и одновременно было нежелание писать и писать одно и то же.

Н. Н. — Настолько, что это воспринималось как одна тема, при том что каждая из статей, в общем, это свой большой фрагмент реконструкции текста.

В. Н. — Да, действительно, все так должно было быть, но как-то не получилось. Кроме того, была еще одна причина. Когда я начинал первый том, был один круг источников, литературы и т. д. Кстати, мы, может быть, не всегда отдаем себе отчет в том, что после войны баллисти-

ка вышла на новый уровень. Конечно, лучше всего работали в Литве. В Латвии весьма неважно.

Я помню, нас с Вячеславом Всеволодовичем послали от Института на 85-летие Эндзелина. Это само по себе было очень колоритным событием. Тогда было некоторое потепление, и, значит, решили отпраздновать Эндзелина, хотя известно, что Эндзелин всюду открыто говорил [против власти]. Привели его, он совсем немощный, за ним ухаживали две или три женщины. Его посадили, у него потерянный, непонимающий взгляд. Причем даже хотели начать в десять часов, но сказали, что он приходит в себя примерно к двум часам дня. Явился тогда первый секретарь компартии Латвии и член Политбюро Калининш — может быть, вы его еще застали.

Н. Н. — Я, конечно, не помню, но фамилия очень революционная.

В. Н. — Да-да-да. Ну, и выступали, говорили, всё очень хорошо и приятно, до Эндзелина это явно не доходило, он сидел и сидел. И потом вдруг громким голосом председательствующий говорит: «С поздравлением юбиляру выступит полковник такой-то от рижского военного округа». Вскочил бойкий военный, отчеканил. Эндзелин проснулся и воспринял, видимо, только это, притом что городил этот военный...

Были и другие конференции, куда мы и с Вячеславом Всеволодовичем ездили, и по отдельности. Дело в том, что и для него, и для меня интерес к латышскому языку, первые познания в этой области были связаны именно с пребыванием на Юрмале. Там был Дом творчества писателей, где Вячеслав Всеволодович с родителями довольно долго жил и написал целый цикл стихотворений, я что-то помню наизусть, там такой фрагмент: «Мне кажется, что я попал в страну, где солнцем, как мячом, играют дети, и стонут сосны, отходя ко сну, и рыбаки развешивают сети...» Я помнил все, во всяком случае из этого периода.

Н. Н. — После войны многие ученики Эндзелина оказались в Швеции и основали там латышскую академию.

В. Н. — Да-да-да.

Н. Н. — В восьмидесятом году мы ездили в Ригу на конференцию, и там была Руке-Дравиня.

В. Н. — Руке-Дравиня, да. У меня с ней была долгая переписка, хотя началось это с переписки с Дравиньшем. Действительно, вся лettonистика была в Скандинавии, и не только в Скандинавии. Гатерс был... Было несколько талантливых молодых лettonистов уже перед самой войной, которые в основном печатались в этом журнале.

А ситуация в Литве меня удивила с самого начала. У нас с третьего курса в университете появился литовец, собственно, литовский еврей, сын какого-то очень видного, еще досоветского, адвоката, Додик Юде-

лявичюс. Когда я учился на третьем курсе, он подключился к этому третьему курсу. И он знал, что я занимаюсь литовским у Петерсона, и знал, что мы с Татьяной Яковлевной собираемся летом поехать в Литву — в Каунас, поскольку там литовский лучше, чем в Вильнюсе, естественно. И когда он узнал, что мы собираемся в Литву, он сказал: «Первым делом идите к Зинкявичюсу». Когда мы приехали, я не искал знакомств, я занимался там в библиотеке академической и университетской и в Институте литовского языка.

Н. Н. — А все это было еще в Каунасе?

В. Н. — Нет, это было в Вильнюсе. В Каунасе я ничем не занимался, кроме того, что читал какие-то книги на литовском языке. Ну вот, и как-то я занимался в библиотеке Института литовского языка, и вдруг входит очень энергичный человек [Зинкявичюс] и сразу: «Топоровас?» И действительно, он очень многим помог. Потом мы не раз останавливались у него. У него поразительная библиотека, поразительное умение организовать материал, притом все так четко размечено...

Н. Н. — Его шеститомная «История литовского языка» содержит колоссальный объем информации и глубоко проработана...

В. Н. — Да-да, поразительно. И по диалектологии этот толстый том.

Н. Н. — Он когда-то останавливался у нас, приезжая в Петербург, и выискивал специально тома хроник, русских летописей западных, для того чтобы размечать языковые факты.

В. Н. — Он поразительно работал, да. Вы помните или нет такую фигуру в первом парламенте — Ландсбергис?

Н. Н. — Да, конечно.

В. Н. — Его дед, собственно говоря, и был основателем независимой Литвы после Первой мировой войны. Ландсбергис, ценя Зинкявичюса, очень захотел, чтобы тот управлял просвещением. Зинкявичюс согласился, скорее, чтобы не отказывать Ландсбергису. А потом он написал книжку «Kai aš buvau ministras», вот в таком духе.

Н. Н. — На самом деле, конечно, лучше было бы, если бы была организована комиссия мудрецов по реформированию образования, которая бы вырабатывала стратегию. Этого очень не хватает. Владимир Николаевич, тем не менее, в Литве над новым этимологическим словарем никто не работал в это время. В Латвии просто и некому было.

В. Н. — Карулис — вы знаете? — два тома.

Н. Н. — Но это появилось значительно позже. И тем не менее, вы выбрали прусский, а не литовский и не латышский.

В. Н. — Вы понимаете, о литовском уже были сообщения в печати, что над этим работает Френкель.

Н. Н. — Френкель все-таки уже вышел к этому времени.

В. Н. — В пятидесятом году.

Н. Н. — Но ясно было, что учтены в полной мере материалы скорее тридцатых годов, а сороковых уже не в такой степени. В семидесятые годы уже существовал огромный массив, который в словарь Френкеля не вошел. У Френкеля имеются некоторые странности в построении самих словарных статей, которых вы наверняка бы избежали, т. е. словарь, может быть, даже в тот момент, когда он и выходил, уже казался слегка устаревшим, — но все-таки он был.

Потом примерно в то же время, когда вы взялись за прусский, но все-таки позже, Летас Палмайтис возглавил группу литовского этимологического словаря в университете. Кажется, из этого так ничего и не вышло. Но, тем не менее, в этот момент в области баллистики была возможность выбора. И ясно, что прусский — это не была случайность.

В. Н. — Как вам сказать. Тут были такие параллельные вещи. Например, источник начала второй половины XIX века, Маннхардт, «Letto-Preussische Götterlehre», переизданный в 1936 году в Риге. Меня он очень интересовал, а в московских библиотеках его нигде не было. И вот тут повезло. Петр Григорьевич Богатырев, фольклорист, переезжал с одной квартиры на другую, позвонил мне и сказал, что у него есть для меня книги. И среди них оказался «Letto-Preussische Götterlehre». Так что у меня это есть. А буквально недели две-три назад мне понадобилась для чего-то эта книга — и не нахожу ее, хотя знаю, что есть максимум два места, где она может быть. Эти места известны. Не мог найти, и даже решил, что когда Коля Михайлов приехал из Италии и хотел продолжать занятия баллистикой, я ему дал эту книгу, притом что он хотел заниматься не языком — вообще языки он поразительно знает, совершенно...

Н. Н. — И то, что он защищал диссертацию по-голландски... Помоему, это язык, на котором говорить просто невозможно.

В. Н. — Да-да-да. Там ведь целый ряд выдающихся лингвистов, в частности покойный индолог Кёйпер совершенно замечательный, говорили, что голландский язык надо просто спасать. Так вот, после того как я смирился, а Коли не было, Татьяна Владимировна [Цивьян], посмотрев по верхам, ничего не нашла. И действительно, у них книги не было. Просто это уже, знаете, признаки распада. Я прекрасно знаю эту книгу, все время с ней работал, она лежала на своем месте. И вот сейчас я в том периоде, когда вот такие странности, провалы.

Н. Н. — Владимир Николаевич, мой дед говорил, что книги прячутся иногда специально.

В. Н. — Прячутся! Именно. Притом что, вы знаете, твердо помнишь внешний вид...

Н. Н. — И чем лучше помнишь, тем хуже находятся.

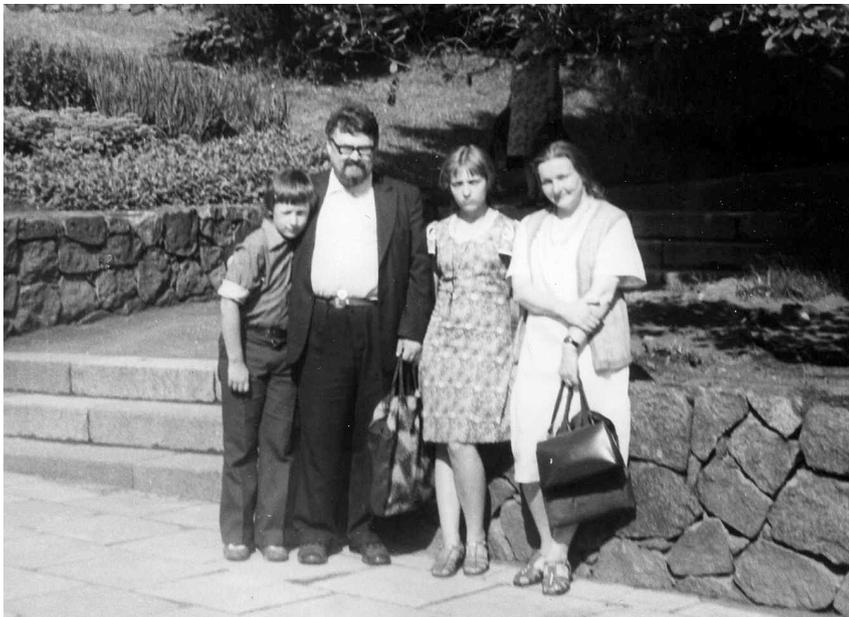
В. Н. — Да-да-да. Вот это я сейчас вполне в этом состоянии нахожусь.

Так вот, о латышском этимологическом словаре Карулиса, двухтомном. У нас с Карулисом были очень тесные отношения, и мы чуть ли не каждое лето с середины 80-х годов приезжали к нему в Дзинтари и жили там у него в отдельном домике. У него изумительная библиотека была, которую потом передали в Латвийскую академическую библиотеку. Но он не лингвист, совсем не лингвист. Приходится удивляться, как он написал это. Но, конечно, продолжает оставаться неотложной задачей создания нового словаря.

Н. Н. — Владимир Николаевич, тем не менее, прусский давал основу для более широкой баллистики, для того, чтобы провести реконструкцию более всеохватно — от пруссов до голяди?

В. Н. — Вы знаете, тут еще было одно обстоятельство: немцы, их экспансия, завоевание Пруссии и так далее. Немцы очень аккуратно записывали все, что только можно было записывать. Причем записывали не только вещи, относящиеся к административно-хозяйственной деятельности, а все, что можно. И на немецком языке сохранилась масса текстов — ну, масса, может быть, по сравнению с литовскими и латышскими текстами этого времени, которых вообще еще не было. У меня как раз есть такой том, который был издан еще в девятнадцатом веке (с тех пор не очень много нового появилось), с текстами, как стихотворными, так и прозаическими, относящимися к Пруссии в самых различных аспектах. Понимаете, если б свои немцы были во многих других местах, то многое несколько иначе бы было. Кроме того, очень много прутенизмов в немецких говорах Восточной Пруссии, я тоже, кстати, этим занимался. Еще в одно из первых посещений Вильнюса в середине пятидесятых годов, я нашел словарь такого Цисмера (Cissemer пишется), огромные тетради, и там прутенизмы. Их так много. Но так как у нас в библиотеках этого словаря нет, я знакомился с ним во время наездов в Вильнюс. В польских говорах много заимствований. Очень интересно, что есть заимствования в кашубском языке, то есть на крайнем северо-западе этой территории. Один священник, сейчас уже покойный, издал восемь томов кашубского словаря⁵. Он не лингвист был, его интересовало только кашубское, притом некоторые статьи превращались в некий этюд, с объяснениями, какие есть пословицы на данное слово и так далее.

⁵ B. Sychta. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967–1976. Т. 1–7.

Во время экспедиции в Пелясу (слева направо): Коля Михайлов, В. Н. Топоров, Аня Топорова, Т. М. Судник. Вильнюс, 1979 г. Фото Т. В. Цивьян

Еще в середине восьмидесятых годов, может быть, несколько раньше, я получил письмо лютеранского священника, он жил в небольшом городишке где-то в окрестностях Гамбурга. Он во время войны был призван и воевал. И писал мне, что каким-то образом что-то прочитал, и предлагает новые балтизмы в говорах далеко к западу от Вислы. Он успел выпустить, видимо на свои собственные средства, примерно шесть-семь книг, одни касаются истории, в других — попытки лингвистической интерпретации. Мы с ним довольно долго переписывались. Потом он умер, его жена прислала мне письмо и фотографию его. Если будете у нас, я просто хочу ее вам показать.

Потом была большая неприятность. Приехал президент Академии наук ГДР в Москву. Естественно, он вращался на самых верхах академических. Кто-то сказал, что такое безобразие происходит, что пытаются отдать балтам и пруссам все по Рейн включительно. Меня тоже вызвал вице-президент Академии нашей, при том что представлений у него об этом никаких не было. Я, не подумав, говорил, если можно так сказать, профессионально, а для него это было какой-то дичью. И, конечно, ему наплевать было на то, что я думаю, но ему надо было угодить своим немецким друзьям.

Так что, вот видите, набирается довольно много воспоминаний. Конечно, стоило бы даже записать, но сейчас уже боюсь, что и память не та.

Совершенно очевидно, что это вопиющее положение, что в Московском университете не преподают балтийские языки. Иногда бывает периодически, осядет кто-то, знающий литовский язык, но не имеющий никакого отношения к науке.

У меня глубокое убеждение в том, что праславянский — это поздняя филиация не просто балтийских, а именно прусских диалектов. Есть книга американского лингвиста Шмальштига (он тоже как-то приезжал, даже останавливался у нас) о прутенизмах в славянских языках. У меня его книга есть и много статей.

Вы понимаете, удивительная вещь: если вы будете от Балтийского моря идти на юг до Судет, на границе северной Чехии (есть полное издание топонимии этих мест), там будет много десятков названий, производных от *прус-*: *Пруссы* и т. п. Есть мнение польского историка Лабуды, он считает, что сюда ссылали пленных пруссов, что мне кажется неверным. И надо сказать, что есть названия, идущие и от литовцев, но они явно поздние, тут нет никаких сомнений.

А я, кроме того, вспомнил, как мы были в свое время⁶ в Пелясе, ряд сотрудников сектора, в котором я работаю. Там же была Татьяна Владимировна [Цивьян] с [сыном] Колей, который заговорил на пелясском говоре буквально на второй-третий день, с мальчишками. Так что он лучше всех знал пелясский говор. И была тоже сотрудница нашего сектора — сейчас она, правда, не работает — Тамара Судник. Она как раз неплохо знала литовский язык, и у нее тоже был дар имитации. К сожалению, она без всяких видимых причин прекратила работу, а у нее были очень интересные данные об инфильтрации из Восточной Пруссии на юг Литвы, вернее, это административно даже не юг Литвы, а Вороновский район Белоруссии. У нас там было приключение — не знаю, до вас дошло или нет. Вдруг в одно воскресенье приезжает глава милиции Вороновского района Белорусской ССР. Такой энергичный мужик, при нем еще какой-то помощник: «Вы какое имеете право появляться здесь?» Я ему говорю, это не ваше дело, а если вас действительно интересует, то это экспедиция, у нас есть направление из Института. Потом он бесцеремонно пошел в комнату, которая выполняла роль спальни, видит Евангелие на литовском языке, и был еще большого формата, малополезный — издание Московской патриархии — Вестник Московской патриархии. Увидели они это — и собрались посадить нас в ма-

⁶ В 1979 г.

Во время экспедиции в Пелясу: Коля Михайлов, В. Н. Топоров и Аня Топорова у дома, в котором они жили в Пелясе. 1979 г. Фото Т. В. Цивьян

шину и везти в Вороново, и там творить праведный суд. Но нам очень повезло. В это время там был уроженец этого места, Изидорюс Шимелёнис, — у него родители похоронены там, он сам из Пелясы (есть специалистка по литовской мифологии Ниёле Лауринкене, она сейчас в Испании, жена посла Литвы в Испании, — его дочь). И вот, Шимелёнис говорит: «Они приехали ко мне, здесь похоронены мои родители, я всю жизнь, кроме концлагерей, провел здесь». И он был настолько энергичен, сказал, что сам поедет в Вороново, и, видимо, этот мильтон, как раньше говорили, сам понял, что лучше не связываться. А года четыре-пять тому назад Шимелёнис издал толстый том большого формата — воспоминания о своем детстве, молодости, о Пелясе, об окрест-

ных деревеньках. И дружеские отношения с ним потом перешли в дружбу с его дочерью.

Кроме того, как раз когда мы там были, живя в здании школы, естественно, летом пустовавшей, приехала большая группа литовцев во главе с очень симпатичным человеком, знаете, таким носителем литовскости в высоком очень плане, и он, считая, что этим русским или белорусам никакого дела до Литвы нет, просвещал приехавших литовцев. Их много было, я думаю, десятка два-три. И это тоже было причиной для клеветы, тем более что руководитель этой группы говорил по-литовски, и его нельзя было поймать — литовского там никто практически не знает. И я вдруг понял, что должен что-то сказать, и сказал более резко — то, что литовцу явно не позволено в те времена было. Вообще в Литве хорошо подготовились к принятию независимости, очень многое делалось заранее, и целый ряд старых памятников они заранее готовили...

Так что, видите, я сам, при всех провалах, что-то вспоминаю. Хотелось бы для самого себя вкратце записать.

Н. Н. — На самом деле, потрясающие встречи и потрясающие экспедиции и настойчивость в осмыслении всего этого. Я помню, как вы мне рассказывали о ярмарках, которые собирают людей не просто из окрестных деревень, но куда специально приезжают за сто верст непонятно зачем. Вы тогда сравнивали это с перелетными птицами. Конечно, если бы сколько-нибудь детально это можно было бы описать, это были бы потрясающие материалы, которые так, без экспедиций, невозможно собрать.

*Запись расшифрована М. Н. Толстой,
текст подготовлен к печати
М. В. Завьяловой и Т. В. Цивьян*